

Хочешь менять страну — иди и меняй!

Арсений Финберг — известная фигура волонтерского движения Украины — один из основателей крупнейшего в стране Центра для вынужденных переселенцев, через который прошли уже 25 000 человек. А по совместительству — успешный бизнесмен, владелец экскурсионной компании «Интересный Киев» и отец двух маленьких детей, с которым мы говорим о гражданской позиции, еврейских ценностях и новой Украине

— Чем ты объясняешь тот грандиозный размах, который приобрело волонтерство в последний год? Мы же помним Оранжевую революцию, попытки построить гражданское общество, но ничего похожего на эту жертвенность не было и в помине... Да и вообще, в Украине, как и на всем постсоветском пространстве, волонтерство никогда не находило особого отклика — если на субботник, то только по указке профкома. И вдруг...

— Меня самого поначалу удивляло, что 70% сограждан за последний год приняли участие в волонтерском движении. Но надо понимать, что Украина в новейшей истории никогда не сталкивалась с войной. И когда к нам пришла эта беда, стало ясно, что государства по большому счету еще нет, а война уже идет. И если мы сейчас не поможем нашей стране, то будет поздно...

— А как же традиционная надежда на то, что кто-то там наверху все разрулит?

— Когда стало очевидно, что «кого-то» нет, а враг есть, то опасность потерять

все излечила от инфантилизма. Кроме того, у каждого из нас появился конкретный человек — кум, брат, сват, знакомый, — ушедший на фронт, человек, который может погибнуть, если ты ему сейчас не поможешь...

— Ты называешь себя волонтером поневоле, это не поза? Ведь началось все с «Эскадронов добра» еще на Майдане...

— Как и большинство киевлян, я, так или иначе, помогал Майдану — эпизодически возил продукты, лекарства. А когда наступило 18 февраля и начали стрелять, понял, что пользы от моего стояния там мало — как вести себя, когда вокруг стреляют, я не знаю. А в логистике немного разбираюсь, поэтому кинул клич, мол, еду покупать медикаменты, кто хочет — присоединяйтесь. На следующий день уже десяток машин курсировали по всему городу, покрывая потребности больниц и ребят, которые там лежали. Так родилось то, что журналисты назвали позднее «Эскадронами добра», и с этого началось мое волонтерство. В течение месяца-полтора мы активно доставляли медикаменты по всем больницам, где лежали раненые на Майдане, потом поток раненых прекратился, но началась война на Донбассе, и в Киев потянулись вынужденные переселенцы.

— Была в этом какая-то еврейская миссия или национальный аспект заботил тебя тогда меньше всего?

— Еврейские ценности мне близки, и понятие *маасер* — не пустой звук, поэтому десятую часть своих доходов я давно отдаю на цдаку. Не всегда речь идет о помощи евреям — достаточно долгое время я помогаю детскому кардиоцентру в Охматдете (крупнейшая детская клиника в Украине, — М.Г.), где каждый день спасают десятки новорожденных. При всем этом еще год назад я и подумать не мог, что буду волонтером. У меня свой, требующий внимания, бизнес, которому я сегодня уделяю куда меньше времени, чем хотелось бы.

Что касается миссии, то речь идет скорее о гражданской позиции, подкрепленной еврейскими ценностями. Если хочешь, то это невозможность остаться в стороне, когда человеку рядом с тобой плохо.

И знаешь, как-то так сложилось, что среди людей, которые начинали этим вместе со мной заниматься со времен «Эскадронов» и Волонтерской сотни и продолжают это делать в Центре для переселенцев на Фроловской, — много

евреев. К слову, три четверти координаторов нашего центра — либо галахические евреи, либо имеют еврейские корни.

— Значит, наверняка слышали зимой прошлого года, что не еврейское это дело — вмешиваться в чужие разборки...

— Слышали, хотя все гораздо проще — нам просто небезразлично, что происходит в Украине. Что удивительного в том, что евреи поддержали страну, в которой живут, и пытаются что-то делать во благо этой страны? И в синагоге, и в еврейской школе собирают вещи для нашего Центра, а мы, в свою очередь, помогаем лагерю для переселенцев, созданному Киевской еврейской религиозной общиной.

— Сосредоточиться на помощи именно беженцам — это твое сознательное решение? Ведь два других направления работы Волонтерской сотни — это содействие АТО и поддержка раненых бойцов.

— Простое разделение обязанностей, но не только... Я люблю Киев, меня называют позитивным маньяком этого города — города, в который сейчас приехали гости, — многие, в чем стояли, некоторые из подвалов бомбоубежищ — и я, как радушный хозяин, хочу им помочь. Центр на Фроловской — это центр первой помощи, где люди регистрируются и получают вереницу талончиков — на одежду, горячие обеды, пищевые пайки, наборы бытовой химии и пр. В течение первых 45 дней после приезда наши гости успевают оформить все социальные выплаты, которые им положены, и найти какую-то работу, в чем мы тоже готовы помочь. Есть медпункт — лекарства первой необходимости выдаем прямо здесь, при потребности в более дорогих препаратах — ищем деньги и закупаем. Кроме того, на территории работает психолог, есть столовая, детская комната, точнее, военный кунг — фургончик, буквально нафаршированный игрушками, арт-вагончик для мастер-классов, библиотека и центр занятости. Чтобы не заблудиться — везде навигация, разработанная дизайнерами, работающими над новой схемой киевского метро. За все это отвечают от 20 до 50 волонтеров, работающих ежедневно. При этом единственный человек, получающий зарплату, — это наш завскладом.

— А что власть, не ревнует? Вы же, по большому счету, делаете ее работу, оставляя ей упреки в беспомощности со стороны тех же беженцев...

— Мы прекрасно отдаем себе отчет, что власть не в состоянии сейчас делать эту работу сама. За этот год в моем телефоне появились номера многих министров и их замов и, надо сказать, они быстро откликаются на любые просьбы. Марина Порошенко помогла с подарками на Новый год для детей переселенцев, МЧС поставило палатки, замы Кличко отдают нам списанные киоски, из которых мы раздаем помощь, таможня помогает оперативно оформлять многочисленные контейнеры с гуманитаркой.

— Прости за откровенность, а чего вы ждете от этой власти взамен? Я не финансирование имею в виду и не почетные грамоты...

— Многого ждем, но для меня главное отличие Оранжевой революции 2004 года от Майдана-2014 в том, что если десять лет назад люди думали — вот сейчас изберем новую власть, и все наладится, то Майдан научил нас, что

пока ты сам что-то не сделаешь, ничего в этой стране не изменится. Поэтому у человека, начинающего кричать «Все пропало!», я спрашиваю, а что сделал ты? Рав Шая Гиссер говорит мне, мол, все это тщеславие, и это, отчасти, правда, я горд тем, что у нас получилось. Но это еще и расчет — чтобы государство изменилось, нужны тысячи людей, которые начнут менять реальность вокруг себя.

— Каково происхождение всех этих вещей и продуктов, которые вы распределяете? Это помощь от бизнеса или собрано, не люблю это слово, «маленькими украинцами»? Как, грубо говоря, проходит фандрейзинг?

— 98% того, что поступает на наши склады, — приносят люди с улицы. Сотни киевлян ежедневно приходят с вещами для переселенцев — окошко приема не закрывается. Есть, конечно, и контейнеры от благотворительных фондов, датчане, например, прислали оборудование для больниц, но, повторяю, — это 2-3% общего объема помощи. На самом деле мы получаем в десятки раз больше вещей, чем нужно в Центре, поэтому еженедельно отправляем несколько тонн в лагеря для переселенцев по всей Украине.

— Можешь нарисовать широкими мазками портрет человека, стоящего у окошка приема с вещами для переселенцев?

— Ну, разве что очень широкими (*улыбается*). От пенсионерки, у которой две кофточки и одну она отдает в наш Центр, до дамы на *Lamborghini*, которая, перебирая свой шкаф, приносит брендовые вещи с бирками. От школьников, которые отдают школьную форму, из которой выросли, до хипстеров и барышень, сдающих обувь на 12-сантиметровых каблуках. Я иногда шучу, что скоро придется брать деньги за прием вещей.

Сложнее всего с продуктами, но и с ними помогают — и люди с улицы, и крупные компании, в основном международные и украинские IT-гиганты — *Ciklum, Luxoft, GlobalLogic*, Инфопульс. У нас есть боксы для сбора пожертвований в некоторых ресторанах, а киевский филиал израильской сети *Agoma*, например, отчислял с каждой проданной чашки кофе одну гривну в пользу бойцов АТО.

Принцип простой — мы ни у кого ничего не просим, просто кидаем клич, если человек считает нужным помочь, — милости просим. На жертвования

закупаем продукты, бытовую химию — такой пакет welcome pack мы выдаем каждому, кто только приезжает в Киев, зимой выдавали также новые одеяла для детей. Ежедневно готовим 100 литров супа и 120 литров чая, ведь в пиковые дни Центр принимает до 200 семей. А иногда просто пишем в facebook, в чем нуждаемся, и люди сами приносят еду.

— Насколько я понимаю, ты ежедневно несколько часов отдаешь работе в Центре. Это ведь специфический образ жизни для успешного человека. Семья с пониманием относится? Жена, дети, родители...

— Стараюсь, чтобы пропорция бизнес/волонтерство составляла примерно 70 на 30, не всегда это удается, порой выходит 50 на 50. Жена иногда переживает, у нас двое детей — четырех и полутора лет, и она, как женщина, острее воспринимает любую, даже потенциальную угрозу размеренной жизни. Как, наверное, и во многих семьях, у нас неоднократно поднималась тема эмиграции, но ...для меня отъезд сейчас стал бы предательством своего города и своей страны.

Что касается родителей, то они и сами приносят вещи, и знакомых подбивают, отец (Леонид Финберг — директор Центра исследований истории и культуры восточноевропейского еврейства) приводит к нам своих зарубежных гостей, мама (известный в Киеве врач) работала во время Майдана волонтером в Доме профсоюзов и эвакуировалась оттуда буквально за час до того, как он сгорел.

— Значительная часть клиентов твоего центра, мягко говоря, не проукраински настроена — это не напрягает? Вспыхивают иногда споры между беженцами и волонтерами? И как их удается разрешить?

— Во-первых, есть некоторые правила — мы принципиально не говорим о политике на территории Центра. Во-вторых, антиукраинские настроения среди беженцев — это, во многом, клише. Встречаются и такие, конечно, но много и настоящих патриотов, десятки (!) переселенцев из Крыма и Донбасса просят в нашем детском отделе найти вышиванку для своих детей. Между прочим, половина волонтеров — сами выходцы с юго-востока Украины.

Если обобщать, будем откровенны, — эти люди жили своей жизнью, им было все равно какой флаг висит на улице, они возделывали свой огород, растили своих детей в своем мирном городе. К ним пришла война, и многие понимают,

кто привел эту войну, а те, кто не желает понимать, — хотят, чтобы их, по меньшей мере, не трогали, и это тоже естественно.

— Ты принципиально дистанцируешься от личных проблем подопечных, как психоаналитик, не впускающий в себя чужую боль, чтобы сохранить работоспособность?

— Я действительно почти не общаюсь с переселенцами, у нас есть постоянный психолог, есть волонтеры, которые реагируют на специфические потребности отдельных гостей. Я занимаюсь в основном инфраструктурой, договариваюсь о выделении киосков, оптимизирую механизм электронной очереди, систему учета и регистрации переселенцев. Мне важнее наладить систему помощи, чем помочь одной конкретной семье.

— Большинство клиентов твоего популярного в Киеве турбюро еще недавно составляли россияне. Понятно, что поток уменьшился, но не совсем же иссяк. С туристами из России за рамки разговоров о достопримечательностях выходите?

— Мы каждую неделю делаем рассылку по нашим клиентам, в том числе и российским. После известных событий пришло какое-то количество писем с оскорблениями, тем не менее, пока меня слышали, я пытался вести диалог со всеми, потом диалог прекратился. К сожалению, понятие «вата» более чем реально. Есть люди (и среди наших клиентов, к сожалению, тоже), убежденные, что в одну ночь мы стали фашистами и бандеровцами. Но с теми, кто готов слушать и слышать, мы общаемся, и они понимают, что все, мягко говоря, далеко не так, как представлено в российских СМИ. Тем не менее приезжают единицы, остальные, если и не считают нас фашистами и бандеровцами, то просто боятся. Те, кто приезжает, — все видят сами и часто спрашивают, чем помочь.

— Войне на Донбассе скоро год, ты, так или иначе, каждый день сталкиваешься с ее последствиями... Не пришло понимание того, как дальше нам строить отношения, что мы должны сделать, чтобы действительно стать единой страной?

— Нам просто нужно строить страну, в которой захочется жить, из которой не захочется уезжать и которая будет примером нашим соседям. В последнее время я играю в коробочку — разделяю все, что происходит в Украине, на две

категории — то, на что я могу повлиять, и то, на что повлиять не могу. В первом случае — беру и делаю, по поводу остального стараюсь минимально рефлексировать.

Что касается единства страны, то очень правильно об этом сказал владыка Любомир Гузар (экс-[предстоятель Украинской греко-католической церкви](#)), эти слова укрепляют меня в том, что я делаю: «Переселенцы, которых мы с сердцем примем, будут апостолами единства Украины, когда вернуться в свои дома».

Беседовал Михаил Гольд

Материал в авторской редакции, сокращенная версия — на [Jewish.ru](#)